РИМСКОЕ ПАПСТВО

ДО

РАЗДѢЛЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ.

АКТОВАЯ РѢЧЬ

И. д. экстр. проф. Демидов. Юридическаго Лицея

Н. Суворова.

Ярославль.
Типографія Губернскаго Правленія.
1882.

080
38

РИМСКОЕ ПАПСТВО ДО РАЗДѢЛЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ.

Актовая рѣчь.

Мм. Гг.

Если въ современной жизни народы представляются внимательному наблюдателю съ тѣми или другими индивидуальными чертами, отличающими ихъ отъ другихъ народовъ; то наблюдатель въ правѣ заключить, что, кромѣ различія природныхъ качествъ, которыми народы, какъ и отдѣльныя лица разнятся между собою, повліялъ на эти черты и цѣлый рядъ условій, благодаря которымъ онѣ выработались, а наука имѣетъ право и обязанность привести въ ясность историческія условія ихъ образованія. Если же не только отдѣльный народъ, но болѣе чѣмъ половина христіанскаго міра рѣзко отличается отъ остальной его части; если это рѣзкое отличіе доходитъ до такой степени, что культурныя условія существованія въ первой становятся или предметомъ ненависти, или, напротивъ, предметомъ страстныхъ желаній въ послѣдней; если слова: „самобытность“, „сліяніе съ культурною жизнію западно-европейскаго міра“, становятся девизомъ борющихся партій: то вопросъ объ историческихъ условіяхъ, создавшихъ характерныя особенности цивилизаціи въ западной Европѣ, получаетъ тѣмъ большій интересъ и пріобрѣтаетъ тѣмъ большую научную

важность. Сравнивая весь ходъ исторіи западно-европейскаго христіанства съ исторіею христіанства восточнаго, изслѣдователь неминуемо сталкивается съ римскимъ папствомъ, какъ съ однимъ изъ сильнѣйшихъ факторовъ западно-европейской культуры. Римскій католицизмъ, неотдѣлимый отъ папства и въ папствѣ нашедшій свое выраженіе, наложилъ на западную Европу рѣзкую печать обособленія отъ восточнаго христіанства. Когда въ XVI столѣтіи, въ вѣкъ реформаціи, германцы сбросили съ себя оковы Рима папскаго, подобно тому какъ они за тысячу лѣтъ раньше разбивали оковы Рима императорскаго, печать, наложенная на западную Европу папствомъ, далеко не изгладилась; средніе вѣка не прошли безслѣдно и для народовъ, принявшихъ реформацію; духовная связь между протестантской и католической Европой не порвалась, не смотря на то, что, съ точки зрѣнія религіозной, пропасть, отдѣляющая католичество отъ протестантства, неизмѣримо глубже и шире, чѣмъ какая отдѣляетъ римское католичество отъ восточнаго православія, и самыя религіозныя воззрѣнія протестантизма, своею противоположностью воззрѣніямъ католическимъ, указываютъ лишь на внутреннюю причинную связь между тѣми и другими. Повидимому, самое сопоставленіе словъ: „культура“, „цивилизація“, съ одной стороны, и „римское папство“ съ другой, есть нѣчто рискованное, даже просто невозможное. Не кто либо другой, не враги римской церкви, не пристрастные цѣнители, въ худую сторону, ея воззрѣній и ея образа дѣйствій, а недавно умершій папа Пій IX, въ своемъ знаменитомъ силлабусѣ, гдѣ перечисляются и осуждаются, какъ ереси, всѣ заблужденія, которыми болѣетъ современное общество, кратко и ясно выразился, что ересью было бы думать, будто церковь можетъ и должна примириться съ успѣхами человѣческаго прогресса и съ новѣйшею цивилизаціей. И однако, вся средневѣковая исторія западнаго христіанства, всѣ медленные и неблестящіе шаги по пути того прогресса, благодаря которому варвары не только не растоптали ногами античной культуры римскаго міра, но и са-

ми постепенно усвояли ее, такъ что въ XV и XVI вв. сдѣлались возможными возрожденіе и религіозная реформація,—эти шаги дѣлались подъ руководствомъ папства, или въ борьбѣ съ нимъ. Человѣкъ, котораго тѣмъ менѣе можно заподозрить въ пристрастности сужденій въ пользу папъ, что не только католичество и папство, но и христіанство вообще онъ считаетъ лишь временнымъ, переходнымъ моментомъ въ развитіи человѣчества, Лоранъ, юристъ, историкъ—философъ и свободный мыслитель, слѣдующимъ образомъ оцѣниваетъ значеніе католической церкви и папства въ средніе вѣка:

„Въ средніе вѣка церковь была духовною силою, представительницею высшей интеллигенціи и высшей нравственности; она призвана была воспитать варварскіе народы. Это была трудная задача. Господство, въ которомъ ее укоряютъ, было постоянной борьбой противъ силы, и этой-то именно борьбѣ духа противъ матеріи мы и обязаны нашей культурой, моральной и интеллектуальной.... Единство и сила были условіями жизни для религіи христіанской въ средніе вѣка. Если бы общество христіанское оставалось чисто духовнымъ, то потопъ варварскаго нашествія снесъ бы его. Варвары уважали церковь, потому что она была силой. Епископы, представители побѣжденныхъ, трактовали съ побѣдителями, какъ сила съ силой. Ихъ функціи, ихъ богатства давали имъ мѣсто между высшими лицами того или другаго королевства. Но единство епископальное не могло выполнить своей миссіи; аристократія епископальная поглощалась государствомъ; назначаемые королемъ, епископы становились на одну линію съ герцогами и графами; они раздѣляли вкусы и страсти феодальной аристократіи, часть которой они составляли; не заботясь о душахъ своихъ пасомыхъ, они предавались удовольствіямъ и занятіямъ жизни свѣтской; христіанство выраждалось; религія готова была погибнуть. Въ то же самое время церковь была добычей насилія; епископатъ былъ слишкомъ слабъ, для того чтобы защитить ее отъ посягательствъ военной аристократіи... Въ обществѣ, преданномъ господству силы, сила есть условіе существо-

ванія... Папство, концентрируя въ своихъ рукахъ всю силу католицизма, спасло религію, а вмѣстѣ съ нею и цивилизацію".

Такъ оцѣниваетъ значеніе папства свободный мыслитель. Католическіе писатели, и въ особенности не нѣмецкіе, говорятъ больше. И ни болѣе, ни менѣе, какъ тотъ моментъ, когда папство откровеннымъ и рѣшительнымъ образомъ высказало свою церковно-политическую программу, съ столь же рѣшительнымъ намѣреніемъ осуществить эту программу въ дѣйствительности,—достопамятный въ исторіи моментъ борьбы папы Григорія VII съ императоромъ германскимъ Генрихомъ IV вызываетъ въ католическомъ писателѣ слѣдующія размышленія:

„Императорская власть (поднятая на небывалую почти высоту Генрихомъ III) представляла страшную угрозу для всего запада и для всѣхъ народовъ негерманскихъ. Патріоты нѣмецкіе восторгаются при мысли, что единство Германіи тогда же могло бы быть основано (благодаря тому, что Генрихъ III и вообще всѣ императоры салической династіи приняли энергическія мѣры къ организаціи имперской военной силы), и что господство Германіи надъ міромъ могло бы быть обезпечено, если бы не помѣшали тому разныя препятствія. Безпристрастный человѣкъ, говоритъ Целлеръ, могъ бы лишь ужаснуться при мысли о томъ деспотизмѣ, который угрожалъ бы всей Европѣ со стороны народа—варвара.... Папа, поражая отлученіемъ императора, несомнѣнно потрясалъ основанія имперіи: онъ поддерживалъ возмутившихся вассаловъ, поднималъ въ городахъ революціи противъ епископовъ, вѣрныхъ императору, вооружалъ одни народы противъ другихъ, однихъ князей противъ другихъ, духовенство противъ мірянъ. Но его заслуга заключается въ томъ, что онъ освободилъ Италію, Европу и церковь отъ угрожающей политической амбиціи германскихъ цезарей. Григорій VII и нравственно возрожденная, благодаря ему, церковь нанесли имперіи германской и господству Германіи надъ Европой такой ударъ, отъ котораго она никогда не могла оправиться. Развитіе національной

независимости Италіи, Франціи, Венгріи, Богеміи, Польши и скандинавскихъ государствъ совершилось подъ импульсомъ папства, послѣ ослабленія имперіи. Кромѣ того, столкновеніе принциповъ поставило во взаимную оппозицію всѣ классы общества, стряхнуло съ него пыль варварства, раздвинуло узкій горизонтъ того времени и дало толчокъ движенію мысли. Во время этого движенія открываются крестовые походы, сформировывается рыцарство, возникаютъ университеты въ Болоньѣ и Парижѣ".

Безъ сомнѣнія, если бы свести все то, что говорится въ католической и вообще въ западной литературѣ въ пользу такъ называемаго историческаго оправданія папства, то окончательный выводъ получилъ бы смыслъ, близкій къ тому, какой имѣетъ извѣстная русская пословица: „нѣтъ худа безъ добра". Но подобно тому какъ едва ли бы кто сталъ желать худа на томъ только основаніи, что изъ него въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ можетъ получиться добро, напротивъ всякій имѣетъ естественное желаніе, чтобы добро достигалось не путемъ худа, прямою дорогою, а не окольною; такъ и въ примѣненіи къ поставленному нами вопросу о папствѣ, точка зрѣнія историческаго оправданія могла бы оказаться не изъ самыхъ вѣрныхъ и надежныхъ. Но иное дѣло историческое оправданіе, иное дѣло историческое значеніе. Институтъ можетъ и не получить историческаго оправданія, тѣмъ не менѣе значеніе его историческое можетъ быть громадное, и если не въ первомъ, то въ послѣднемъ насъ въ достаточной степени могли убѣдить приведенныя разсужденія.

Образъ римскаго папства, съ его церковною централизаціей, исключающею всякую возможность національно-церковнаго развитія, съ его притязаніями господства надъ королями и народами не только въ церковныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ, съ его итальянской политикой, сѣявшей раздоръ и вражду на полуостровѣ и систематически не допускавшей объединенія Италіи, въ видахъ сохраненія за собою церковнаго государства,—этотъ образъ сред-

невѣковаго папства не измѣнился и до нашего времени, такъ какъ ниодно изъ средневѣковыхъ притязаній не взято назадъ папами, напротивъ папа Пій IX, какъ бы для устраненія всякихъ недоразумѣній въ этомъ отношеніи, осудилъ въ своемъ силлабусѣ, какъ ересь, то мнѣніе, будто римскіе первосвященники когда либо превышали предѣлы своей компетенціи и вторгались въ неподлежащія имъ сферы. Разница средневѣковаго папства отъ современнаго состоитъ только въ томъ, что нѣтъ фактической возможности осуществлять на дѣлѣ свои воззрѣнія и желанія и развѣ въ томъ еще, что папа пересталъ быть въ послѣднее время свѣтскимъ монархомъ, вознаградивъ себя, впрочемъ, за утрату церковнаго государства, догматизированіемъ своей непогрѣшимости. Всѣ указанныя стороны въ папствѣ, т. е. его церковная роль, его политическія притязанія въ отношеніи къ государственнымъ властямъ и обладаніе церковнымъ государствомъ находятся въ чрезвычайно тѣсной связи между собою: церковное главенство, послѣдовательно проводимое, могло идти рядомъ только съ верховенствомъ церкви надъ государствомъ, и наконецъ для того и другаго независимое положеніе монарха въ церковномъ государствѣ было въ высшей степени важно. И такъ вотъ исторически-сложившійся образъ папства. Но какъ складывался этотъ образъ? Какой процессъ развитія совершился, прежде чѣмъ папство могло, въ лицѣ Григорія VII, занять то положеніе, отъ котораго оно никогда потомъ не отказывалось? При Григоріѣ VII, хотя онъ еще и не былъ папой, а только діакономъ Гильдебрандомъ, принимавшимъ, впрочемъ, энергическое участіе въ управленіи церковномъ, разорвался окончательно союзъ единства, связывавшій восточное христіанство съ западнымъ, церковь вселенская распалась на восточно-каѳолическую и западно-католическую. Это было въ половинѣ XI вѣка. Хотя все существенное, что можно было привести, какъ основаніе для разрыва церковнаго между восточнымъ и западнымъ христіанствомъ, было высказано чуть не за два столѣтія раньше, хотя тогда же совершился и самый расколъ ре-

лигіозный; но, вѣроятно, для преподанія полезнаго урока послѣдующимъ вѣкамъ, исторія распорядилась такъ, что прерванная въ IX вѣкѣ связь между восточнымъ и западнымъ христіанствомъ вскорѣ возобновилась и продолжалась до половины XI вѣка, какъ разъ почти до понтификата Григорія VII. Уже это совпаденіе момента разрыва церковнаго съ моментомъ поднятія папской власти на ту высоту, на которую поставилъ ее Григорій VII, даетъ видѣть, что процессъ развитія папства начался не по раздѣленіи церквей, а до этого раздѣленія, что въ моментъ раздѣленія папство выступило уже во всѣхъ своихъ средневѣковыхъ доспѣхахъ. Мало того, даже и въ IX вѣкѣ, когда произошелъ разрывъ неокончательный, но уже мотивированный и съ восточной и съ западной стороны всѣми существенными основаніями, къ которымъ потомъ прибавились развѣ лишь маловажныя основанія и второстепенныя соображенія, на римской епископской каѳедрѣ сидѣлъ человѣкъ, который, по всѣмъ своимъ воззрѣніямъ и по всему своему образу дѣйствій, можетъ быть названъ предтечею и предвѣстникомъ Гильдебранда. Николай I, современникъ и противникъ патріарха константинопольскаго Фотія, главнаго дѣятеля со стороны восточной въ религіозномъ раздѣленіи, стоялъ уже на высотѣ папскаго міросозерцанія. Тѣмъ болѣе важнымъ представляется вопросъ о возникновеніи и развитіи института папства до той его ступени, на которой оно оказалось въ моментъ раздѣленія церквей. Немногія слова, приведенныя мною выше, относительно громаднаго историческаго значенія папства, избавляютъ меня, какъ кажется, отъ необходимости объясненій, почему я рѣшился остановить, мм. гг., ваше вниманіе на возникновеніи и историческомъ развитіи папства до религіознаго раздѣленія между востокомъ и западомъ, причемъ, само собою разумѣется, что, при настоящихъ обстоятельствахъ мѣста и времени, возможно будетъ остановиться лишь на самомъ существенномъ.

Какъ мы увидимъ, цѣлый рядъ историческихъ обстоятельствъ благопріятствовалъ возникновенію и разви-

тію папства; можно сказать, что обстоятельства складывались какъ будто нарочно въ пользу римскаго епископа, какъ бы невольно заставляли его дѣлать шагъ за шагомъ по одному, разъ принятому, направленію. Но каковы бы ни были благопріятныя обстоятельства и какъ бы ни были они благопріятны, папство никогда бы не утвердилось, если бы не существовало для него религіозной основы въ вѣрѣ людей. Церковное главенство папы, начавшее развиваться раньше политической стороны этого института, имѣетъ своимъ основаніемъ католическій догматъ, правильнѣе сказать, двойной догматъ: о главенствѣ апостола Петра надъ другими апостолами, по волѣ Христа, и о преемствѣ, о наслѣдованіи римскимъ епископомъ всѣхъ правъ верховнаго апостола. Вѣра въ этотъ двойной догматъ есть, конечно, религіозный фундаментъ цѣлаго института: не будь этой вѣры, не создалось бы и папства. Вдаваться въ богословское изслѣдованіе о томъ, насколько основательна эта вѣра, я не считаю себя компетентнымъ и даже не нахожу возможнымъ, потому что милліоны христіанъ исповѣдуютъ эту вѣру, и рядомъ съ ними милліоны же христіанъ не только не имѣютъ, но и никогда не имѣли этой вѣры, и одни другихъ ни убѣдили, ни разубѣдили въ этой вѣрѣ до сихъ поръ. Мало того, масса западныхъ ученыхъ, слишкомъ солидныхъ и авторитетныхъ, для того чтобы ихъ голосъ не принимался въ соображеніе (Шульте, Фридрихъ, Ваттенбахъ, Грегоровіусъ, Гефкенъ и др.) доказываетъ, что апостолъ Петръ никогда не былъ въ Римѣ, что не онъ основалъ римскую церковь, что онъ, слѣдовательно, не могъ быть первымъ римскимъ епископомъ и передать своихъ правъ послѣдующимъ римскимъ епископамъ, какъ своимъ преемникамъ. Но есть, мм. гг., другая точка зрѣнія, не богословская, а чисто историческая, съ которой и самая вѣра получаетъ смыслъ историческаго факта, имѣющаго опредѣленную историческую дату. Оставаясь на этой точкѣ зрѣнія, мы не имѣемъ необходимости обозрѣвать арсеналъ богословскаго католическаго оружія и разсматривать тѣ мѣста Св. Писанія, въ которыхъ, по уче-

нію католической церкви, высказано главенство апостола Петра надъ другими учениками Іисуса Христа, и въ которыхъ, по ученію православной церкви, ничего объ этомъ главенствѣ не говорится, а прямо начну съ того, когда, гдѣ и какъ началось въ церкви предпочтеніе апостола Петра другимъ апостоламъ и когда изъ главенства апостола Петра стало выводиться главенство римскаго епископа надъ всѣми другими епископами.

Въ началѣ втораго вѣка, въ средѣ іудейско-христіанской партіи явилось сочиненіе, въ позднѣйшей переработкѣ названное псевдоклементинами, такъ какъ наиболѣе важныя части этого сочиненія представляются написанными Климентомъ, ученикомъ апостола Петра. Сочиненіе составлено съ явною тенденціей восхваленія апостола Петра, на счетъ другаго апостола, Павла. Извѣстно, что, вслѣдствіе проповѣди апостольской, въ христіанство обращались какъ іудеи, такъ и язычники. Рознь между первыми христіанами изъ іудеевъ и первыми христіанами изъ язычниковъ была вообще настолько сильна, что на собраніи апостоловъ и пресвитеровъ въ Іерусалимѣ былъ подвергнутъ нарочитому разсмотрѣнію вопросъ объ обязательности моисеева обрядоваго закона для язычниковъ, принимавшихъ христіанство, такъ какъ христіане изъ іудеевъ требовали именно, чтобы и язычники, обращающіеся въ христіанство, исполняли законъ моисеевъ, какъ исполняли его они сами. Возникшій по этому предмету споръ тѣмъ болѣе обострился, что тотъ апостолъ, который главнымъ образомъ и проповѣдывалъ язычникамъ и получилъ потомъ названіе апостола язычниковъ,—апостолъ Павелъ всего менѣе былъ человѣкомъ законныхъ формъ и предписаній, а напротивъ выяснялъ новообращеннымъ христіанамъ, что важно существо, для котораго форма есть только средство, важны дѣла, вытекающія изъ вѣры и внутренно преобразовывающія человѣка, а не внѣшнія предписанія закона Моисеева. Хотя споръ и разрѣшенъ былъ на собраніи апостоловъ и пресвитеровъ въ Іерусалимѣ въ томъ смыслѣ, что христіане изъ язычниковъ не обязаны вообще исполнять постановленія закона

моисеева, а должны лишь избѣгать наиболѣе соблазнительныхъ для іудея вещей, напр. употребленія въ пищу крови, но раздѣленіе продолжало существовать и послѣ собора. Строго приверженные къ закону моисееву, христіане изъ іудеевъ съ такимъ упорствомъ держались своихъ взглядовъ, что апостолъ Петръ, который лично не раздѣлялъ этихъ взглядовъ, прибывъ въ Антіохію, изъ опасенія вооружить противъ себя ревнителей закона, сталъ отдаляться отъ христіанъ изъ язычниковъ, и апостолъ Павелъ долженъ былъ имѣть публичное съ нимъ объясненіе по этому поводу. Однако, раздѣленіе между партіями продолжалось, и съ особенною силою послѣ смерти апостола Павла. Христіане изъ іудеевъ представляли его самозванцемъ, проповѣдывавшимъ другое ученіе, чѣмъ старшіе апостолы, поставленные и посланные Самимъ Христомъ и въ особенности Петръ, *которому поручено руководство всѣми вѣрующими*. Для поднятія авторитета Петра, въ псевдоклементинахъ, въ которыхъ выражены взгляды іудейско-христіанской партіи, разсказывается объ его обширной апостольской дѣятельности, о борьбѣ его съ лжеучителемъ Симономъ волхвомъ, о томъ, что онъ преслѣдуетъ его до самаго Рима, гдѣ Симону удается настолько обморочить римское населеніе, что ему ставятъ статую, какъ богу, побѣждаетъ его здѣсь, основываетъ римскую церковь, поставляетъ Климента преемникомъ своимъ и въ Римѣ же умираетъ мученическою смертію; приэтомъ личность Симона волхва замѣчательнымъ образомъ отожествляется съ личностью апостола Павла, такъ что оба апостола представляются двумя противниками, во время пребыванія ихъ въ Римѣ. Вскорѣ псевдо-клементины являются и въ Римѣ, но въ исправленномъ видѣ: все, что клонилось къ умаленію чести апостола Павла, исключено, всякое смѣшеніе его личности съ личностью Симона волхва прекращается, и оба апостола представляются дѣйствующими въ Римѣ заодно противъ Симона волхва; но все, что касается особаго порученія, даннаго Христомъ Петру, руководить всѣми вѣрующими, что касается основанія имъ (теперь уже вмѣстѣ съ Пав-

ломъ) римской церкви и поставленія имъ преемника себѣ въ лицѣ Климента,—все это разсказывается въ Римѣ въ концѣ II столѣтія, уже какъ несомнѣнная истина. Одно историческое событіе должно было имѣть въ то время чрезвычайно важное значеніе для римской церкви и для римскихъ епископовъ,—это разрушеніе Іерусалима, именно окончательное разрушеніе его въ 135 году, послѣ чего самое имя города на долгое время исчезло изъ исторіи, такъ какъ на мѣстѣ его явилась римская колонія Элія, причемъ іудеямъ было положительно воспрещено оставаться здѣсь, а слѣдовательно и христіанско-іудейская община въ Іерусалимѣ рушилась. Іерусалимъ, центръ апостольской проповѣди, изъ котораго исходили апостолы и къ которому потомъ опять возвращались, оставался центромъ христіанства и послѣ смерти апостоловъ. Управленіе іерусалимскою общиною принадлежало Іакову, родственнику Іисуса Христа по плоти. Псевдоклементины, возвышая Петра, ставятъ рядомъ съ нимъ и даже выше его Іакова, называя его „епископомъ епископовъ, руководящимъ церковью евреевъ въ Іерусалимѣ и *управляющимъ всѣми, Божіимъ провидѣніемъ основанными, церквами*“. Если, при существованіи Іерусалима, преемники Іакова могли претендовать на ту роль, которая приписывается имъ въ псевдоклементинахъ и на которую отчасти указывается въ „Дѣяніяхъ“ апостольскихъ и въ свидѣтельствахъ древнихъ писателей церковныхъ; то, по разрушеніи Іерусалима, не могло уже быть и рѣчи о какомъ либо выдающемся положеніи епископовъ іерусалимскихъ. Іерусалимъ, его іудейское и іудейско-христіанское населеніе исчезли; въ римской колоніи Эліи составилась мало по малу христіанская община изъ язычниковъ, епископъ которой, изъ язычниковъ же, не могъ считать себя преемникомъ епископовъ іерусалимскихъ. А между тѣмъ въ псевдоклементинахъ было уже намѣчено, гдѣ нужно искать высшаго церковнаго руководства: здѣсь были уже на лицо всѣ элементы для развитія римскаго главенства, и стоило лишь наступить тому событію, которое вытѣснило епископа іерусалимскаго изъ его центральнаго положенія

епископа цѣлой церкви, какъ епископъ римскій готовъ явиться ему на смѣну. Фактъ пребыванія апостола Петра въ Римѣ и поставленія имъ преемника себѣ въ лицѣ Климента сообщается какъ несомнѣнный историческій фактъ церковными писателями конца II и III вѣка, которые большею частію лично приходили въ Римъ и изъ Рима выносили установившееся здѣсь преданіе (Іустинъ, Эгезиппъ, Ириней, Тертулліанъ, Кипріанъ и др.); римская церковь пріобрѣтаетъ особое уваженіе въ глазахъ христіанъ; къ ней рекомендуется обращаться, въ случаѣ какихъ либо сомнѣній, для того чтобы узнать истинное церковное преданіе, идущее отъ апостола Петра; апостолъ Петръ разсматривается, какъ фундаментъ, на которомъ Христосъ основалъ церковь,—этотъ взглядъ высказывается и тѣми писателями, которые не допускали вообще какихъ либу выводовъ отсюда въ пользу римскаго епископа, какъ напр. двумя знаменитыми отцами церкви Тертулліаномъ и Кипріаномъ. Выводы же изъ установленнаго факта основанія Петромъ римской церкви и поставленія имъ себѣ преемника,—выводы со стороны самихъ епископовъ римскихъ не долго заставляютъ ждать себя. Во второмъ вѣкѣ римскій епископъ не желаетъ допускать, чтобы въ какой либо другой церкви существовала практика, отличная отъ практики римской церкви, какъ дѣйствующей на основаніи преданія, идущаго отъ апостола Петра. Въ третьемъ вѣкѣ онъ допускаетъ уже властное вмѣшательство въ дѣла другихъ церквей. Въ четвертомъ вѣкѣ „попеченіе о всѣхъ церквахъ“ становится обычнымъ терминомъ на оффиціальномъ языкѣ римской церкви, и сообразно съ этимъ утверждается за римскимъ епископомъ высшая судебная власть въ церкви, тогда какъ самъ онъ объявляется не подлежащимъ никакому человѣческому суду. Въ первой половинѣ V вѣка церковное главенство римскихъ епископовъ ставится на догматическія основанія, т. е. перестаетъ быть простымъ логическимъ выводомъ изъ историческаго факта, а возводится на степень догмата вѣры. На двухъ вселенскихъ соборахъ V столѣтія, именно на ефесскомъ 431 г. и хал-

кидонскомъ 451 г. представители римскаго епископа открыто заявляютъ, что римскій епископъ есть папа всеобщей церкви, „глава всѣхъ церквей“, или, что „всѣмъ и всегда было извѣстно, что св. и блаженнѣйшій Петръ, князь и глава апостоловъ, столпъ вѣры и фундаментъ католической церкви, получилъ отъ Господа Іисуса Христа, Спасителя и Искупителя человѣческаго рода, ключи царства и власть связывать и разрѣшать грѣхи, и что онъ до настоящаго времени продолжаетъ жить и судить въ своихъ преемникахъ“. Можно бы было ожидать, что восточная церковь, вообще говоря, никогда не признававшая этого догмата, при открытомъ его провозглашеніи на вселенскомъ соборѣ, обнаружитъ рѣшительное сопротивленіе новому догмату, даже подвергнетъ его спеціальному разсмотрѣнію, какъ вопросъ слишкомъ важный, для того, чтобы можно было его игнорировать, и столь же ясно и открыто выскажетъ свой собственный взглядъ на этотъ, какъ называла его римская церковь, догматъ. Но этого не случилось ни тогда, ни послѣ,—почему, это мы увидимъ ниже; не случилось даже этого и во время раздѣленія церквей въ IX и XI в., такъ какъ въ исчисленіи ересей латинскихъ, послужившихъ для грековъ основаніемъ къ раздѣленію церковному папское главенство въ числѣ ересей не упоминается. Какъ бы мы ни смотрѣли на это обстоятельство, ясно одно, что тѣмъ болѣе широкій и свободный путь движенія открывался для догмата тамъ, гдѣ въ него вѣрили.

Если вѣра въ главенство апостола Петра надъ другими апостолами и въ главенство его преемниковъ надъ другими епископами послужила религіознымъ фундаментомъ для института папства; то на ряду съ вѣрой, дѣйствовалъ еще другой сильный дѣятель въ развитіи папства, именно сказывавшаяся въ церкви потребность единства и внѣшняго выраженія этого единства. Іерусалимъ, религіозный центръ первоначальнаго христіанства, постепенно утрачивалъ и наконецъ совсѣмъ потерялъ свое центральное въ христіанствѣ положеніе. Христіанскія общины, образовавшіяся въ различныхъ городахъ и мѣстеч-

кахъ римской имперіи, изъ которыхъ каждая называла себя церковью (Ἐκκλησία) имѣли естественное стремленіе не только составлять церковь всеобщую (Ἐκκλησία καθολική,— названіе, въ первый разъ употребленное Игнатіемъ антіохійскимъ вначалѣ II в.), внутренно связанную единствомъ ученія Христова и апостольскаго, но и внѣшнимъ, наружнымъ образомъ выразить это единство всеобщей церкви. Первыя христіанскія общины получали религіозное руководство отъ цѣлой коллегіи должностныхъ своихъ лицъ, которыя назывались въ однихъ мѣстахъ епископами, въ другихъ пресвитерами; къ концу апостольскаго времени этотъ первоначальный строй христіанскихъ общинъ подвергается тому существенному измѣненію, что изъ коллегіи епископовъ или пресвитеровъ въ каждой христіанской общинѣ выдѣляется одно лицо, которому и усвояется собственно и исключительно названіе „епископа“, какъ главнаго руководителя и надзирателя христіанской общины. Въ союзѣ между собою всѣхъ епископовъ отдѣльныхъ христіанскихъ общинъ искали и внѣшняго выраженія церковнаго единства, т. е. епископъ, связанный со всѣми другими епископами, долженъ былъ связывать свою общину съ цѣлою католическою церковію. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ знаменитый учитель церкви III в. Ѳасцій Цецилій Кипріанъ, епископъ карѳагенскій. Съ пріемами римскаго юриста, излагаетъ онъ теоретическія основанія церковнаго устройства въ своемъ трактатѣ „о единствѣ церкви“. Любопытно, что поводомъ къ составленію трактата послужилъ горячій споръ Кипріана съ римскимъ епископомъ Стефаномъ, который уже въ то время весьма недвусмысленно стремился поставить римскую церковь средоточіемъ христіанскаго міра и руководить дѣлами другихъ церквей.

Въ отпоръ притязанію римскаго епископа, Кипріанъ утверждаетъ, что церковь основана на епископахъ и епископами управляется. По его взгляду, Петру не дано никакого *юридическаго* преимущества предъ остальными апостолами, напротивъ всѣ апостолы получили равную власть съ Петромъ, а поэтому и послѣ апостоловъ всѣ

епископы равны другъ съ другомъ по власти, а слѣдовательно и римскій не имѣетъ никакого *юридическаго* преимущества предъ другими епископами; наслѣдство Петра, на которомъ основана Христомъ церковь, принадлежитъ не римскимъ епископамъ, а всѣмъ епископамъ вмѣстѣ, составляющимъ одну коллегію, которой ввѣрено попеченіе о всей паствѣ и о всѣхъ пасомыхъ. Взглядъ Кипріана опровергнутъ дальнѣйшею исторіею церковнаго устройства. Оставляя въ сторонѣ сомнѣнія по поводу его состоятельности въ томъ отношеніи, что едва ли вся совокупность епископовъ можетъ служить постояннымъ органомъ и выразителемъ церковнаго единства, т. е. составлять изъ себя *постоянный* соборъ, которому бы принадлежало общее руководство церковными дѣлами, и что общій соборъ епископовъ оказался возможнымъ лишь какъ институтъ, созданный волею христіанскаго императора, взглядъ Кипріана не оказался безусловно вѣрнымъ и въ отношеніи равенства всѣхъ епископовъ. Сначала каждая христіанская община (т. е. съ момента возвышенія уже епископской должности) имѣла своего епископа; потомъ епископы сельскіе подчиняются епископамъ городскимъ, надъ епископами городскими поднимается высшая власть въ лицѣ митрополита, митрополиты въ свою очередь подчиняются патріарху, т. е. образуется цѣлый рядъ степеней между епископами съ извѣстнымъ юридическимъ подчиненіемъ однихъ другимъ. Замѣчательно однако, что самъ Кипріанъ въ разныхъ мѣстахъ своего трактата не отрицаетъ за апостоломъ Петромъ значенія *символа*, которымъ представляется *единство* происхожденія, единство источника церкви, а въ этомъ смыслѣ и римскую церковь считаетъ „первою церковью, откуда произошло единство священства“, „матерью и корнемъ всеобщей церкви“. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, въ виду нѣкотораго противорѣчія одного взгляда другому, въ обширной литературѣ о Кипріанѣ и до сихъ поръ не составилось опредѣленнаго сужденія: защитники римскаго главенства готовы даже черпать аргументы изъ сочиненій Кипріана въ пользу этого гла-

венства, тогда какъ наука не католическая видитъ въ немъ рѣшительнаго противника главенства.

Христіанской религіи, явившейся въ средѣ малаго народа іудейскаго, сужденo было распространяться не въ тѣсныхъ предѣлахъ Іудеи а въ римскомъ государствѣ. Нельзя не обратить вниманія и дѣйствительно обращено уже достаточное вниманіе на внутреннее соотвѣтствіе между универсальною религіей христіанской, не связанной съ однимъ какимъ либо народомъ и съ одной какой либо страной, и между универсальной римской имперіей. Всеобщая міровая религія должна была проповѣдываться и распространяться въ государствѣ, включившемъ въ себя весь культурный міръ трехъ частей свѣта и разрушившемъ узкіе предѣлы національности покоренныхъ народовъ, и самый Основатель всемірной религіи родился въ царствованіе перваго римскаго императора. Но если гдѣ, то въ этомъ именно государствѣ выступала на первый планъ идея единства, юридическаго порядка, власти. Несильное другими сторонами человѣческой культуры, римское государство зато было сильно этою идеею, символомъ которой служилъ Римъ, вѣчный, золотой Римъ, какъ его называли римляне. И если въ церкви христіанской должно было сказаться естественное стремленіе къ единству и къ внѣшнему его выраженію, то епископу столицы міра, и не только ему, а и всей общинѣ римскихъ христіанъ идея единства была всего болѣе знакома и сродна. Церковь, въ ея видимомъ образѣ говоритъ Ваттенбахъ, была и есть религіозной формой тойже античной идеи государства. Христіанство побѣдило всемірную имперію и слилось съ нею, потому что его космополитическій принципъ соотвѣтствовалъ всемірной монархіи. Новая церковь усвоила себѣ административную организацію имперіи, раскинувъ по ея провинціямъ, сообразно съ римскимъ административнымъ дѣленіемъ непрерывную сѣть округовъ епископскихъ, митрополитанскихъ и патріаршихъ, причемъ патріархи соотвѣтствовали префектамъ praetorio, митрополиты викаріямъ и ректорамъ провинцій. Церковь, въ ея внѣшнемъ образѣ, была латин-

скимъ созданіемъ; она имѣла своимъ необходимымъ предположеніемъ имперію". Епископы карѳагенскій и римскій вели между собою споръ о единствѣ церкви во времена имперіи языческой; они пережили одно изъ жестокихъ гоненій на христіанъ при императорѣ Деціѣ; потомки ихъ должны были пережить еще болѣе жестокое гоненіе при императорѣ Діоклеціанѣ. Но вотъ на императорскомъ тронѣ Деція и Діоклеціана является человѣкъ, понявшій своимъ геніальнымъ умомъ, что лучшею основою имперіи можетъ служить не покровительствуемое доселѣ язычество, а преслѣдуемое христіанство. Константинъ Великій сразу сталъ въ положеніе главы христіанства и не могъ иначе дѣйствовать, какъ только въ качествѣ главы, потому что другаго отношенія къ христіанству, кромѣ отношенія высшей неограниченной власти, римскій императоръ, онъ же и верховный первосвященникъ со времени Августа, не зналъ. Не только церковное стремленіе къ единству могло имѣть въ немъ своего выразителя и органа, но и интересъ государственнаго человѣка побуждалъ его взять въ свои именно руки охраненіе единства церкви, которое фактически приводило къ церковному главенству. Константинъ Великій именно желалъ, взамѣнъ язычества, представлявшаго массу суевѣрій, безнравственныхъ культовъ и невѣрія, прикрываемаго оффиціальной религіей, дать имперіи новую и одну религіозную основу въ христіанствѣ, во всеобщемъ почитаніи Единаго Бога. Нравственныя силы, живущія въ религіи Христа, должны были породить то чувство взаимнаго единенія подданныхъ, то чувство государственной обязанности, которыя, казалось, совсѣмъ умерли на пространствѣ всемірной имперіи и не могли быть оживлены никакими другими средствами, кромѣ грубой силы, тогда какъ христіане успѣли обнаружить въ себѣ неистощимый запасъ братскаго единенія и самопожертвованія. При Константинѣ въ первый разъ осуществляется на дѣлѣ идея вселенскаго собора, т. е. собранія епископовъ всей церкви, которое состоялось въ городѣ Никеѣ въ 325 г., по волѣ императора. Такъ какъ институтъ

вселенскихъ соборовъ возникъ по волѣ христіанскаго императора, такъ какъ и позднѣе ниодинъ изъ восточныхъ вселенскихъ соборовъ не созывался кѣмъ либо другимъ, кромѣ императоровъ, которые указывали для нихъ мѣсто засѣданія, присутствовали на нихъ, когда находили это нужнымъ, утверждали своей подписью соборныя постановленія, и обнародованіемъ ихъ отъ своего имени давали имъ силу государственныхъ законовъ; то едва ли можно говорить о независимости вселенскихъ соборовъ отъ императоровъ, и едва ли можно въ восточныхъ вселенскихъ соборахъ видѣть высшій, независимый ни отъ кого, органъ единства церковнаго. Вселенскіе соборы были органомъ единства церковнаго, прежде же всего они были органомъ императора, который осуществлялъ черезъ нихъ свое вліяніе на церковь и охранялъ посредствомъ ихъ единство церкви. „Признаюсь“, писалъ императоръ Константинъ Великій, „что я не считаю согласнымъ съ божественнымъ правомъ оставлять безъ вниманія споры и раздѣленія въ церкви, ибо они могутъ возбудить гнѣвъ Верховнаго Существа не только противъ человѣческаго рода вообще, но и въ особенности противъ меня, на плечи котораго оно возложило своею небесною волею господство надъ міромъ.... Я тогда только могу быть дѣйствительно спокоенъ, когда знаю, что всѣ мои подданные, въ единомъ братскомъ настроеніи, почитаютъ Бога въ должномъ культѣ католической религіи“. Императоръ былъ признанъ просвѣщаемымъ и вдохновляемымъ отъ Духа Божіяго органомъ, поставленнымъ Богомъ для охраненія и поддержанія церковнаго единства и православія. Онъ имѣлъ первосвященническое достоинство, онъ былъ правиломъ вѣры; его законы грозили врагамъ церкви, еретикамъ и язычникамъ, какъ и врагамъ государства; его законами регулировались и церковныя дѣла, его воля и въ церкви, какъ въ государствѣ, была верховною волею. Само собою подразумѣвавшееся условіе подчиненія императорской волѣ состояло въ томъ, чтобы императоръ исповѣдывалъ истинную православную вѣру. А такъ какъ въ христіанствѣ явились различныя

религіозныя партіи, изъ которыхъ каждая считала себя православною, каждая требовала для себя не только свободы и защиты со стороны государственной власти, но и стѣсненія всѣхъ другихъ партій: то отсюда объясняется, что одною и тою-же партіей, одними и тѣми же людьми въ разное время стали высказываться совершенно различные взгляды на отношеніе церкви къ государственной власти. Когда, въ концѣ царствованія императора Константина Великаго и при его преемникѣ Констанціѣ православная партія, побѣдившая аріянъ на соборѣ никейскомъ, лишилась императорскаго расположенія, и ея противники, аріяне, стали въ глазахъ государства православными представителями церкви; тогда тѣ же самые епископы, которые раньше признавали высшую власть императора надъ церковью, подняли теперь голоса противъ всякаго вмѣшательства императора въ церковныя дѣла. То же самое случилось при императорѣ Валентѣ, который также былъ аріянинъ и при которомъ также аріянство господствовало надъ всѣми другими религіозными партіями, въ томъ числѣ и надъ православною церковью, какъ единственно истинная религія, покровительствуемая императоромъ, съ угнетеніемъ всѣхъ остальныхъ. То же самое, наконецъ, повторялось въ большей или меньшей степени и еще втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ, всякій разъ какъ императоры становились на сторону неправославной партіи, считая именно ее выразительницею истиннаго православнаго ученія. Въ борьбѣ съ аріянствомъ православными епископами высказывался взглядъ, что церковь должна быть самостоятельна, что церковная іерархія въ церковныхъ дѣлахъ стоитъ выше императора. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ учителей восточной церкви, Іоаннъ Златоустъ требовалъ даже подчиненія государства церкви и безусловнаго господства послѣдней надъ первымъ. Но востокъ не былъ той почвой, на которой могла бы получить практическое развитіе подобная теорія; здѣсь царила одна власть, власть императора, представителя единства государственнаго и церковнаго. И по мѣрѣ того какъ всѣ важнѣйшія религіозныя контровер-

сы разрѣшались, по мѣрѣ того какъ кругъ христіанскихъ догматовъ заканчивался на вселенскихъ соборахъ, по мѣрѣ того какъ православіе дѣлалось выработанною, установившеюся формулой, исключавшею возможность прежнихъ религіозныхъ контроверсъ,—императорская власть, какъ единая власть церковная и государственная, встрѣчала меньшую и меньшую оппозицію со стороны восточной церковной іерархіи. Взглянемъ теперь на западъ.

Фактомъ всемірно-исторической важности было основаніе первымъ христіанскимъ императоромъ новой столицы на берегахъ Босфора и перенесеніе имъ туда своей резиденціи. Съ вѣрою въ главенство апостола Петра надъ другими апостолами и въ главенство римскаго епископа надъ другими епископами, съ идеею римскаго единства христіанской церкви, римскому епископу свободнѣе было дышать въ городѣ, оставленномъ императоромъ, чѣмъ въ резиденціи императорской. Хотя со времени императора Ѳеодосія Великаго, западная половина римской имперіи должна была навсегда получить особаго западно-римскаго императора, какъ и раньше бывали здѣсь особые императоры, но западно-римскіе императоры обыкновенно не жили въ Римѣ, предпочитая другіе города Италіи. Притомъ западная имперія быстрыми шагами приближалась къ своему паденію; правительственная власть становилась все слабѣе и слабѣе, глубже и глубже падали сила и авторитетъ императора, болѣе и болѣе разрывалась связь, соединявшая различныя части имперіи въ одно государство. Императоры не въ состояніи были выполнить самыхъ элементарныхъ задачъ государственной власти, не въ состояніи были защитить имперію отъ опустошительныхъ набѣговъ варваровъ, не въ состояніи были даже помѣшать взятію и разграбленію самой столицы—Рима готами, подъ предводительствомъ Аларіха, и не Валентиніанъ III, западно-римскій императоръ, укрывшійся въ безопасной Равеннѣ и не преемникъ его Максимъ, выступили на защиту римскаго населенія предъ Атилой и Гейзерихомъ, а римскій епископъ Левъ Великій. Наконецъ западно-римская имперія рушится подъ ударами варваровъ,

которые на развалинахъ ея основываютъ нѣсколько королевствъ, быстро принимаютъ христіанство и притомъ не католическое христіанство, а аріянство. Варварскіе короли и сами не претендовали на наслѣдство римскихъ цезарей, они меньше гордились своимъ королевствомъ, чѣмъ титуломъ римскихъ патриціевъ и проконсуловъ; если не фактическое, то фиктивное верховенство императоровъ восточныхъ сохраняло еще все свое обаяніе въ глазахъ варваровъ. Уже по этой одной причинѣ, они не могли стать въ то отношеніе къ церкви на западѣ, въ какомъ стояли императоры, такъ какъ и въ отношеніи къ церкви власть императорская должна была юридически продолжаться. Еще менѣе могло быть допущено вмѣшательство въ церковныя дѣла королей-аріянъ. Въ результатѣ получается сравнительная независимость западной церкви (т. е. по сравненію съ восточною) и отъ восточныхъ императоровъ, жившихъ далеко и слишкомъ занятыхъ восточными дѣлами, чтобы имѣть силу и охоту не выпускать изъ вида дѣлъ западныхъ, и отъ варварскихъ королей, въ принципѣ считавшихъ себя намѣстниками императоровъ. Въ это именно время господства остготовъ-аріянъ въ Италіи, римскіе епископы, признанные главою католическаго христіанства во всѣхъ частяхъ бывшей западной имперіи, занятыхъ варварами-аріянами, обращаются съ смѣлою рѣчью къ константинопольскимъ императорамъ,—благо, къ этому времени успѣли уже достаточно освоиться съ теоріею знаменитаго учителя церкви, св. Августина, епископа иппонскаго, по взгляду котораго если императоръ преслѣдуетъ и наказываетъ еретиковъ, то онъ это дѣлаетъ не потому, чтобы былъ высшимъ блюстителемъ церковнаго единства и главою церкви, а потому, что онъ *обязанъ* исполнять изданныя церковью предписанія, ибо въ іерархіи одной церковь имѣетъ свое представительство, а не въ императорѣ. Папа Геласій, въ письмѣ къ византійскому императору Анастасію отъ 494 г. излагаетъ уже чисто средневѣковое воззрѣніе на отношеніе между церковью и государствомъ. „Двумя властями управляется міръ: священнымъ авторитетомъ епи-

скоповъ и королевскою властію; изъ нихъ авторитетъ епископовъ тѣмъ важнѣе, что и за самихъ королей они должны дать отчетъ Богу на его судѣ. Ибо ты знаешь, что хотя ты, по своему достоинству, стоишь выше всего человѣческаго рода, однако смиренно склоняешь свою голову передъ священниками и отъ нихъ ожидаешь своего спасенія,.. такъ какъ въ дѣлахъ спасенія ты долженъ сообразоваться съ ихъ приговоромъ, а не принуждать ихъ по своей волѣ. Если они признаютъ, что тебѣ принадлежитъ высшая власть для установленія публичнаго порядка и если они повинуются твоимъ законамъ въ дѣлахъ человѣческихъ, то твоя обязанность заключается въ томъ, чтобы повиноваться съ любовью тѣмъ, кому вручено управленіе божественными благодатными средствами... Если вѣрующіе обязаны подчинять свои сердца священникамъ, то тѣмъ большее повиновеніе должно быть оказываемо римскому епископу, котораго Самъ Богъ поставилъ выше всѣхъ священниковъ и котораго поэтому почитаетъ благочестіе цѣлой церкви". Нѣсколько лѣтъ позднѣе, другой римскій епископъ, Симмахъ, пишетъ тому же императору: „если ты христіанскій государь, то ты обязанъ терпѣливо выслушивать голосъ каждаго епископа... Уже-ли ты думаешь, что такъ какъ ты императоръ, то и нѣтъ надъ тобой суда Божьяго? что такъ какъ ты императоръ, то можешь возставать противъ власти Петра?— Если мы сравнимъ достоинство императора съ достоинствомъ епископа, то между ними существуетъ столь великое различіе, какъ между человѣческимъ, попеченіе о которомъ принадлежитъ первому, и божественнымъ, попеченіе о которомъ принадлежитъ послѣднему". Итакъ епископъ римскій, признанный глава католическаго христіанства на западѣ, требуетъ не только самостоятельности церкви и свободы религіознаго убѣжденія, но господства церкви надъ государствомъ".

Въ шестомъ столѣтіи императору Юстиніану удается отвоевать многія изъ занятыхъ варварами странъ; между прочимъ въ Италіи королевство остготское разрушается, Италія поступаетъ въ непосредственную зависи-

мость отъ восточнаго императора; представитель его, съ именемъ экзарха и съ резиденціей въ Равеннѣ, осуществляетъ права императорскаго верховенства въ Италіи и въ отношеніи къ римской церкви. Управленіе экзарха, безсильное для отраженія внѣшнихъ враговъ, и въ тоже время тяжелое для населенія, платежныя силы котораго систематически истощались, не могло быть популярнымъ, а напротивъ заставляло тѣмъ тѣснѣе сплотиться населеніе Италіи около единственной популярной власти—римскаго епископа, вліяніе котораго простиралось на весь западъ, гдѣ аріянство быстро исчезало и уступало мѣсто католической церкви.

Въ концѣ VI-го столѣтія на римской епископской каѳедрѣ мы видимъ замѣчательную личность, Григорія I, которому исторія дала названіе Великаго. Человѣкъ, желавшій посвятить всѣ свои силы духовной пастырской должности, увидѣлъ себя вынужденнымъ заниматься массою дѣлъ, рѣшительно чуждыхъ духовной должности. „Тотъ, кто называется здѣсь (въ Римѣ) епископомъ, до такой степени обременяется внѣшними дѣлами, что неизвѣстно, проходитъ ли онъ должность пастыря душъ, или свѣтскаго князя“—такъ жаловался самъ Григорій на свое положеніе. Римская церковь уже давно имѣла обширныя поземельныя владѣнія, разбросанныя по разнымъ странамъ, кромѣ Италіи: въ сѣверной Африкѣ, въ Галліи, Сициліи, Сардиніи, Корсикѣ и даже во многихъ восточныхъ провинціяхъ. Не ограничиваясь управленіемъ этихъ владѣній, онъ долженъ былъ облегчать бѣдственное положеніе обнищавшаго отъ войнъ населенія Италіи вообще, заботиться даже о безопасности императорской территоріи въ Италіи, которую не въ состояніи былъ защитить представитель императора экзархъ равеннскій, онъ долженъ былъ на собственныя средства содержать войско. Не прошло послѣ Григорія двухъ вѣковъ, какъ франки выгнали экзарха равеннскаго и подарили экзархатъ римскому епископу; но, очевидно, уже задолго до этого время явился зародышъ будущаго церковнаго государства въ Италіи.—Замѣчательно, что Григорій Великій, глубо-

ко проникнутый убѣжденіемъ, что ему, какъ наслѣднику апостола Петра, принадлежитъ попеченіе о цѣлой церкви и высшее руководство надъ нею,—Григорій не сомнѣвавшійся въ томъ, что константинопольская церковь подчинена апостольскому престолу, и со всею энергіею возставававшій противъ притязаній константинопольскаго патріарха, который назвалъ себя вселенскимъ патріархомъ,—Григорій, располагавшій обширнымъ вліяніемъ въ западныхъ государствахъ и собственною личностію восполнявшій пробѣлъ, который оставляла въ Италіи фиктивная власть восточнаго императора, относился къ этому послѣднему съ такимъ смиреніемъ, за которое даже осуждаютъ его нѣкоторые историки. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ сходство съ другимъ знаменитымъ папой, который жилъ столѣтіемъ раньше, который не только былъ проникнутъ вѣрою въ главенство апостола Петра, но и окончательно поставилъ это главенство на догматическія основанія, которому, наконецъ, исторія также дала названіе Великаго, именно Левъ I, трактовавшій съ Атилой и Гейзерихомъ, рѣшительно признавалъ императора главой христіанской церкви. Исторія, однако, пошла не по этому пути... Цѣлый рядъ религіозныхъ столкновеній папъ съ восточными императорами по вопросамъ не управленія, а христіанскаго ученія, разрушилъ въ Римѣ всякую привязанность къ восточной имперіи. Исторія восточной имперіи, еще со времени Константина Великаго, приняла особое направленіе: борьба религіозныхъ партій идетъ, не прерываясь, втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Константинъ Великій желалъ въ единой христіанской религіи дать единую основу расшатанной имперіи, и вмѣсто того въ имперіи восточной начинается такая ожесточенная рознь христіанъ между собою, какой еще не видала римская имперія. Идеалъ, къ осуществленію котораго онъ стремился, было единство: единство Бога, единство религіи, единство церкви, единство имперіи. Но путь къ осуществленію этого идеала былъ выбранъ ненадежный. Умственныя силы христіанства, не угрожаемыя и не стѣсняемыя тѣми внѣшними препят-

ствіями, которыми наполнены вѣка языческой имперіи, вѣка гоненій, направились на точное формулированіе христіанскаго ученія. Какъ и всякая формула, формула ученія предполагала различные взгляды, различныя партіи. Между тѣмъ положеніе дѣлъ со времени Константина Великаго установилось такое, что одна формула, признанная православною, получала силу общеобязательнаго для подданныхъ имперіи государственнаго закона, съ тѣмъ что всякая другая формула, какъ ересь, преслѣдовалась безпощадно. Отсюда естественное стремленіе всякой партіи выдать свою формулу за православную, съ тѣмъ чтобы не только получить свободу для себя, но и уничтожить партію противную. И разъ императоръ становился на сторону извѣстной партіи, она торжествовала, а противники подпадали подъ дѣйствіе уголовныхъ законовъ. Императоръ былъ лично заинтересованъ тѣмъ, чтобы взглядъ той партіи, на сторонѣ которой онъ стоялъ, и слѣдовательно его взглядъ, восторжествовалъ надъ всѣми другими. Ожесточенная рознь, раздѣлявшая населеніе имперіи, не только подрывала внутренній государственный порядокъ, но порождала политическую ненависть преслѣдуемой партіи къ главѣ имперіи и церкви, заставляла входить въ сношеніе съ врагами имперіи и облегчала для нихъ завоеваніе цѣлыхъ провинцій. Отсюда примирительныя попытки императоровъ, желаніе составить такую двусмысленную и недоговоренную формулу, которую бы могли принять двѣ противныя партіи, но которая вела лишь къ образованію новой партіи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что спорящимъ партіямъ, въ томъ числѣ и той, на сторонѣ которой стоялъ императоръ, было въ высшей степени важно заручиться въ свою пользу голосомъ римскаго епископа, сравнительно независимаго отъ константинопольскаго правительства и располагавшаго громаднымъ авторитетомъ на цѣломъ западѣ. Этимъ легко объясняется и то, что на соборахъ, гдѣ открыто провозглашалось папскими представителями главенство апостола Петра надъ другими апостолами и римскаго епископа надъ другими епископами, на всѣ подоб-

ныя заявленія не обращалось должнаго вниманія, и не давалось имъ надлежащаго отпора; напротивъ такія почтительныя выраженія, какъ выраженіе халкидонскаго собора, который говоритъ, что „Левъ I предсѣдательствовалъ на немъ чрезъ своихъ легатовъ, какъ глава надъ членами", или какъ выраженіе императора Юстиніана, что „его всегдашнимъ желаніемъ было и есть доводить до свѣдѣнія римскаго епископа, какъ главы всѣхъ святыхъ церквей, все, что касается до состоянія церквей, и подчинить ему всѣхъ священниковъ востока",—такія и подобныя выраженія во всякомъ случаѣ не могли поколебать въ римскихъ епископахъ вѣру въ ихъ догматъ. Но время существованія западно-римской имперіи и остготскаго королевства въ Италіи,—время, когда непосредственная власть восточнаго императора не простиралась ни на Италію, ни на Римъ, ни на римскихъ епископовъ, миновало: западная имперія пала, государство остготское разгромлено и уничтожено Велизаріемъ, въ Италіи вновь возстановилась непосредственная власть византійскаго императора. А между тѣмъ положеніе религіозныхъ дѣлъ на востокѣ не измѣнялось; можно даже сказать, что религіозныя смуты усилились въ небывалой степени и грозили положительною опасностію имперіи. Для умиротворенія партій, издавались императорами религіозные эдикты, формулированные такимъ образомъ, что, по расчету императоровъ, они могли быть одинаково приняты враждующими сторонами, и такъ какъ голосъ римскаго епископа не могъ быть игнорированъ императорами, то для полученія этого голоса должны были употребляться всевозможныя средства, даже и открытое насиліе, къ которому не представлялось теперь особыхъ препятствій. Римъ, Италія и весь западъ глубоко возмущены были тѣмъ мучительствомъ, которому подвергся римскій епископъ Мартинъ I въ царствованіе императора Константа II. Императоръ, повидимому, не понималъ и не желалъ понять того, что вскорѣ затѣмъ сказалъ другой римскій епископъ, именно Григорій II, другому императору, именно Льву Исаврянину, который прислалъ въ Римъ эдиктъ объ отмѣнѣ

почитанія иконъ, съ требсваніемъ его исполненія и съ угрозой, въ случаѣ неисполненія, поступить съ нимъ, какъ съ бунтовщикомъ: „ты грозишь мнѣ участью моего предшественника Мартина, но знай, что римскіе епископы, подобно средостѣнію, поставлены мирными посредниками и судьями между востокомъ и западомъ. Глаза всего запада обращены на насъ; Петра почитаютъ всѣ государства запада, какъ земнаго бога; весь западъ готовъ убѣдить тебя въ этомъ". Очевидно, этого именно обстоятельства, исторически создавшагося значенія римскихъ епископовъ на западѣ, и не принималъ въ расчетъ императоръ, прикладывавшій къ римскому епископу ту же византійскую мѣрку, которою онъ мѣрялъ всѣхъ остальныхъ епископовъ.

Мм. Гг. Мы въ концѣ того историческаго процесса, который пройденъ римскимъ папствомъ прежде, чѣмъ оно, по раздѣленіи церквей, могло выступить со всѣми своими средневѣковыии аттрибутами. Событія быстро слѣдовали одно за другимъ. Тѣсный союзъ римскихъ епископовъ съ франками, отпаденіе отъ подданства византійскому императору, сформированіе церковнаго государства въ Италіи съ римскимъ епископомъ во главѣ, основаніе на западѣ новой римской имперіи съ двумя главами, императоромъ и папой, изъ которыхъ каждому теорія средневѣковая дала по мечу, поставивъ ихъ рядомъ, но какъ оказалось, не на миръ, а на борьбу—вотъ, въ краткихъ словахъ, дальнѣйшая исторія римскаго папства въ средніе вѣка, исторія слишкомъ извѣстная, чтобы не удовольствоваться именно краткими словами. Но я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о самомъ моментѣ раздѣленія церквей и о томъ положеніи, въ которомъ находились главные дѣятели раздѣленія въ этотъ моментъ.

Патріархъ константинопольскій Игнатій, за неоднократныя представленія по поводу безнравственной жизни кесаря Варды, который игралъ роль всесильнаго временщика при императорѣ Михаилѣ III, своемъ племянникѣ, и который своимъ вреднымъ вліяніемъ губилъ императора, можетъ быть благодаря ему и получившаго въ ис-

торіи далеко не лестное прозваніе Пьяницы, былъ низложенъ и отправленъ въ ссылку; тѣ, которые остались вѣрными несправедливо низложенному патріарху, подверглись всякаго рода преслѣдованіямъ. Вмѣсто Игнатія, по волѣ императора и противъ собственнаго желанія, патріаршество получилъ Фотій,—человѣкъ, который, по своимъ качествамъ, могъ лишь дѣлать честь своему вѣку и который, однако, оказался въ прискорбномъ положеніи лица, не по праву занявшаго чужое мѣсто. Это происходило въ 859 г. Въ пользу и стараго, и новаго патріарха образовались сильныя партіи, и, какъ бывало въ прежнія времена, обратились въ Римъ, съ цѣлью пріобрѣсти голосъ римскаго епископа въ свою пользу; императорская партія, стоявшая за Фотія, предупредила даже въ этомъ партію низложеннаго патріарха. Посмотримъ, кто былъ этотъ римскій епископъ, къ которому обратились константинопольскія партіи, и какое положеніе занималъ онъ на западѣ. Общій голосъ историковъ называетъ папу Николая I прообразомъ Григорія VII. Глубоко нравственный, какъ далеко не всѣ папы того времени, глубоко проникнутый идеей главенства апостола Петра, которому Христосъ вручилъ власть надъ міромъ, первый коронованный римскій папа, Николай I успѣлъ уже въ первое время своего правленія показать, что преемство въ правахъ апостола Петра онъ не намѣренъ оставлять на теоретической почвѣ, тѣмъ болѣе, что къ этому времени появились и быстро распространились разные подложные документы (дареніе Константина, лжеисидоровскія декреталіи), изъ которыхъ папа могъ извлечь чрезвычайно многое въ пользу своего верховнаго надъ міромъ положенія. Смѣлымъ, властительнымъ тономъ трактовалъ онъ съ западными епископами и королями. Король Англіи свидѣтельствовалъ ему смиреннѣйшую преданность. По отношенію къ другому королю, Лотарю, обладателю одной изъ частей распавшейся монархіи Карла Великаго, Николай выступилъ какъ высшій судья. Лотарь прогналъ свою законную жену Титбергу изъ любви къ другой женщинѣ, Вальдрадѣ. Для

того чтобы имѣть возможность сдѣлать любовницу королевой и сына ея королемъ, выдуманы были ложныя обвиненія, сфабрикованы подложныя письма, вынуждены ложныя признанія въ невѣрности отъ злосчастной жены Лотаря. Въ Ахенѣ составился соборъ епископовъ, который объявилъ прежній бракъ Лотаря недѣйствительнымъ и дозволилъ ему заключеніе брака съ Вальдрадой. Но оскорбленная жена нашла себѣ энергическаго защитника въ лицѣ римскаго папы. Папа созвалъ въ Мецѣ новый, большій соборъ, для изслѣдованія дѣла. Этотъ новый соборъ, состоявшійся подъ предсѣдательствомъ двухъ архіепископовъ, трирскаго и кёльнскаго, и въ присутствіи папскихъ легатовъ, благодаря подкупу и другимъ вліяніямъ, рѣшилъ дѣло снова въ благопріятномъ для Лотаря смыслѣ. Тогда Николай кассировалъ рѣшеніе Мецскаго собора, назвавъ его не соборомъ, а попустителемъ прелюбодѣянія, низложилъ обоихъ архіепископовъ, заставилъ всѣхъ епископовъ—членовъ собора лично явиться въ Римъ для принесенія раскаянія и пригрозилъ Лотарю, успѣвшему уже жениться на любовницѣ, отлученіемъ отъ церкви, если онъ не возстановитъ въ королевскихъ правахъ свою законную жену. Онъ же, по другому дѣлу, кассировалъ судъ архіепископскаго собора надъ епископомъ, утверждая, что судить епископовъ можетъ одинъ только папа. Таковъ былъ человѣкъ, къ которому обратились изъ Константинополя по дѣлу Игнатія и Фотія.— Папа Николай, съ сознаніемъ защитника праваго дѣла, немедленно выступилъ, какъ высшій судья: онъ объявилъ низложеніе Игнатія недѣйствительнымъ, такъ какъ оно состоялось безъ вѣдома папы, равнымъ образомъ недѣйствительнымъ же объявилъ и выборъ Фотія, ссылаясь приэтомъ, между прочими аргументами, на подложныя декреталіи и даже упрекая Фотія за то, что онъ не зналъ ихъ. Фотій возразилъ, что законы, на которые ссылался папа, никогда не имѣли дѣйствующей силы на востокѣ, и что папа лучше бы сдѣлалъ, если бы держался въ границахъ своихъ правъ. Николай отправилъ затѣмъ въ Константинополь своихъ пословъ, для разсмо-

трѣнія дѣла на соборѣ; но послы, подкупленные придворною партіею, подали голосъ на соборѣ противъ Игнатія, который насильственнымъ образомъ принужденъ былъ къ отреченію. О результатѣ соборныхъ дѣяній послы извѣстили папу, но и приверженцы Игнатія съ своей стороны не замедлили сообщить ему вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что произошло въ Константинополѣ. Николай на своемъ римскомъ соборѣ кассировалъ приговоръ константинопольскаго собора, высказался въ пользу Игнатія и Фотія объявилъ низложеннымъ. Шире и дальше, какъ говорится, пошло дѣло... Споръ обострился многими посторонними обстоятельствами, какъ напр. вопросомъ, кому подчинена въ дѣлахъ церковныхъ новообращенная въ христіанство Болгарія, требованіемъ со стороны папы возвращенія ему иллирійской провинціи, которая прежде состояла въ церковномъ подчиненіи Риму, но потомъ императорами—иконоборцами подчинена была константинопольскому патріарху и т. д. Весьма возможно, что безпристрастная церковно-историческая наука, не стѣсняемая національными антипатіями грековъ и римлянъ, когда нибудь разъяснитъ, что во взаимныхъ анаѳемахъ, которыми помѣнялись вскорѣ послѣ того константинопольскій патріархъ и римскій папа, бо́льшую роль играли эти постороннія соображенія, чѣмъ соображенія религіозныя, что „ереси“, которыя поставлены были въ вину западному христіанству, существовали еще задолго до столкновенія въ IX в., не мѣшая религіозному общенію между востокомъ и западомъ, что даже и послѣ этого столкновенія почти два вѣка продолжалось это общеніе, пока оно окончательно не порвалось въ XI в.

Я коснулся исторіи раздѣленія церквей лишь настолько, чтобы представить въ общихъ чертахъ положеніе дѣйствующихъ лицъ. Если восточный императоръ не хотѣлъ понять, что нельзя къ римскому епископу прилагать той мѣрки, которою онъ мѣрялъ другихъ епископовъ, оставаясь на византійской точкѣ зрѣнія и игнорируя то положеніе, которое исторически создалось для римскаго епископа на западѣ; то въ моментъ раздѣленія церквей, римскій папа, окон-

чательно утвердившись въ своемъ положеніи и въ своемъ міровоззрѣніи, ту же мѣрку прилагалъ къ восточному императору и къ восточнымъ епископамъ, которою онъ мѣрялъ обуздываемыхъ имъ западныхъ королей и епископовъ.

Протестантскій ученый (Эйхгорнъ), обозрѣвая исторію папства, приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Уже въ первые вѣка послѣ Христа, римскіе епископы требовали, чтобы вездѣ сообразовались съ преданіями римской церкви, потому что Петръ былъ первымъ изъ апостоловъ, и на его вѣрѣ основана церковь; но они не находили слушателей, напротивъ имъ говорилось, что всѣ апостолы равны другъ съ другомъ. Постепенно римскіе епископы распространяютъ свои притязанія далѣе, не только претендуя на преимущества высшаго положенія, сравнительно съ другими епископами, но и на попеченіе о всей церкви, въ силу ввѣренной имъ власти перваго апостола; но и въ этомъ отношеніи они долгое время остаются въ положеніи свидѣтелей по собственному дѣлу. А въ послѣдующее время стали уже съ любовью указывать на прежнія претензіи римскихъ епископовъ, какъ на доказательство дѣйствительнаго обладанія ими. Если у нихъ просили совѣта, то своему совѣту они давали форму предписанія, съ требованіемъ исполнять его. Если епископы не обращались въ Римъ съ запросами, то и безъ запросовъ присылались къ нимъ постановленія римскихъ провинціальныхъ соборовъ, съ настояніемъ исполнять ихъ. Въ отвѣтахъ, получавшихся епископами на ихъ запросы, всегда предполагалось, что они спрашивали по обязанности и въ силу принципіальнаго признанія римскаго главенства, не смотря на то, что предположеніе это не имѣло никакихъ основаній. Если все это не помогало, то искажали древнѣйшія сочиненія и фабриковали новыя, чтобы придать своей системѣ печать древности. Наконецъ въ періодъ времени съ IX до XIV в. имъ удалось вполнѣ осуществить тѣ права, на которыя они претендовали въ IV в. Однимъ словомъ, съ точки зрѣнія протестантскаго ученаго, институтъ папства,

говоритъ ученый католическій (Маассенъ), является продуктомъ тысячелѣтняго, упорнаго, увѣнчаннаго успѣхомъ обмана, и всѣ папы—систематическими обманщиками. Католическій ученый (Маассенъ) замѣчаетъ на это, что римское церковное главенство, основанное на Св. Писаніи, ведетъ свое начало отъ Христа, что если въ первые вѣка главенство практиковалось не по всѣмъ своимъ сторонамъ, не по всѣмъ своимъ отдѣльнымъ составнымъ частямъ, что если римскіе епископы первыхъ вѣковъ не дѣлали изъ него того употребленія, какое стали дѣлать папы позднѣйшихъ вѣковъ, то это объясняется отсутствіемъ историческихъ къ тому поводовъ и условіями церковной жизни въ первые вѣка, и что во всякомъ случаѣ невозможно возникновеніе института, который бы противорѣчилъ основнымъ условіямъ исторически-органическаго развитія церкви.

Для некатолика не можетъ быть убѣдительною ссылка католическаго писателя на Св. Писаніе, какъ на основу папства; не убѣдительны и всѣ разсужденія на ту тему, что папство получило начало отъ Христа и затѣмъ постепенно, по требованію историческихъ обстоятельствъ, развертывало, такъ сказать, отдѣльныя правомочія, въ немъ заключающіяся. Но послѣднее соображеніе, именно указаніе на невозможность возникновенія института, который бы противорѣчилъ всѣмъ жизненнымъ условіямъ исторически-органическаго развитія церкви, слишкомъ вѣско, чтобы можно было успокоиться на теоріи систематическаго обмана. Если бы въ ряду папъ не было лицъ, о которыхъ исторія говоритъ съ уваженіемъ и которыхъ православная церковь почитаетъ какъ святыхъ, какъ напр. Льва Великаго и Григорія Великаго; если бы сами папы занимались поддѣлкою документовъ, чего однако не было на самомъ дѣлѣ, такъ какъ папы пользовались этими документами, раздѣляя вѣру своихъ современниковъ въ ихъ подлинность, и самое появленіе подобныхъ документовъ на западѣ указывало на извѣстное направленіе западнаго религіознаго міросозерцанія вообще: то и въ такомъ случаѣ указаніе на невозможность воз-

никновенія института, въ противность всякимъ условіямъ исторически-органическаго развитія, сохраняло бы всю свою научную силу. Папство, унаслѣдовавшее весь духъ, всю дисциплину, всѣ честолюбивыя тенденціи древняго Рима, осуществило свою систему въ періодъ времени отъ IX до XIV в. Но и по истеченіи среднихъ вѣковъ, оно не думаетъ сходить со сцены исторіи, напротивъ въ наши дни какъ бы вознаграждаетъ себя за всѣ свои потери провозглашеніемъ своей непогрѣшимости. По истинѣ, непостижимъ былъ бы для науки, превышалъ бы всякое человѣческое разумѣніе этотъ институтъ—почти ровесникъ христіанства, если бы въ основѣ его не лежало ничего, кромѣ обмана...

Печатано по опред. Совѣта Демид. Юридическаго Лицея.

1882 г. Ярославль. Тип. Губ. Правленія.